

Судебное преследование старообрядцев и сектантов во второй половине XIX – начале XX в. было неэффективным и часто заканчивалось вынесением оправдательного приговора. Причиной этого были сложности по собиранию доказательств, изобличающих противоправную деятельность представителей данных религиозных течений в ходе предварительного следствия.

Примечания

- 1 См.: Свод законов Российской империи : в 16 т. СПб., 1876. Т. 10. С. 277.
- 2 См.: Варфоломеев Ю. В. «Серебряный век» русской адвокатуры : в 4 ч. Ч. 2 : «Молодая адвокатура» на политических процессах в России (конец XIX – начало XX века). Саратов, 2015. С. 38.
- 3 См.: Никонов А. Б. Специфика процессуальных действий по делам о преступлениях старообрядцев и сектантов против православия в Российской империи // Вестн. Пенз. отд-ния Рос. филос. о-ва. 2013. № 3 С. 8.
- 4 См.: Левин В. Ф. Борьба Российского государства и Русской Православной церкви с религиозными правонарушениями в 1820-е – 1917 гг. (на материалах

- Среднего Поволжья) : дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2011. С. 164.
- 5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2001. Л. 4.
 - 6 Левин В. Ф. Указ. соч. С. 164.
 - 7 ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 374. Л. 6–7.
 - 8 Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви, Барнаул, 1999. С. 30.
 - 9 ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 326. Л. 3.
 - 10 Там же.
 - 11 Там же. Л. 4.
 - 12 Там же. Л. 4–5.
 - 13 Там же. Д. 566. Л. 22.
 - 14 Там же. Л. 22–23.
 - 15 Там же. Л. 24–25.
 - 16 Чичинадзе Д. В. Сборник законов о расколе и сектантах. СПб., 1899. С. 110.
 - 17 ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 111. Л. 10.
 - 18 Там же. Л. 11.
 - 19 Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 192. Л. 41–42.
 - 20 Там же. Д. 246. Л. 2–3.
 - 21 Там же. Д. 568. Л. 33–35.
 - 22 Там же. Д. 451. Л. 25–26.
 - 23 Введенский А. П. Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912. С. 50.
 - 24 ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 963. Л. 44–45.

УДК 94 (=112.2) (47). 084.6

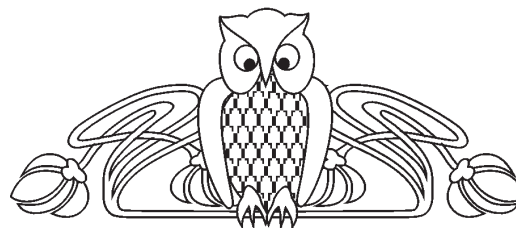
ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ В 1918–1941 ГОДЫ

А. А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
E-mail: a.a.german@mail.ru

Автор исследует процесс трансформации идентичности поволжских немцев как локальной этнической группы, происходивший под воздействием идеологии и общественно-политической практики большевизма. С одной стороны, показана насильственная ломка всех сторон традиционного образа жизни, принудительное насаждение новых «социалистических» порядков, а с другой – освещается практика настойчивого политико-идеологического воздействия на сознание людей, прежде всего молодежи, насаждение новых духовных ценностей, коренным образом отличавшихся от традиционных. Процесс трансформации идентичности гораздо быстрее проходил у молодого поколения, в результате к концу 1930-х гг. в локальной среде поволжских немцев стал заметен существенный разлом в идентичности старшего и молодого поколений. Наиболее ярко он проявился в годы войны 1941–1945 гг. в форме реакции на проводившуюся по отношению к немцам Поволжья репрессивную политику (депортацию, тотальную трудовую мобилизацию, жизнь в условиях спецпоселения).

Ключевые слова: немцы Поволжья, большевизм, национальная идентичность, традиционные ценности, новые «социалистические» ценности, разлом в идентичности.

The Transformation of the Volga Germans' National Identity in 1918–1941

A. A. German

The author examines the identity transformation process of the Volga Germans as a local ethnic group, which took place under the influence of ideology and political practice of Bolshevism. On the one hand, violent destruction of all the sides of traditional lifestyle and compulsory implanting of a new “socialist” order are shown. On the other hand, practice of persistent political and ideological impact on people's minds, especially those of the young people, and implanting of new spiritual values, totally different from the traditional ones, are highlighted. The process of identity transformation passed much quicker with the younger generation. As a result, by the end of the 1930s in the local environment of the Volga Germans a significant break in the identity of the older and younger generations had been clearly seen. It became most apparent during the war of 1941–1945 as a reaction to the policy of repression against the Volga Germans (deportation, total labor mobilization, life in the conditions of a special settlement regime).

Key words: Volga Germans, bolshevism, national identity, traditional values, new «socialist» values, break in identity.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-340-345

Большевизм как идеология и общественно-политическая практика, как особая форма власти военно-тоталитарной партии с его основополагающими догмами насильственных революций как «локомотивов истории», классовой борьбы, диктатуры пролетариата, уничтожения частной собственности, отрицания правового государства и гражданского общества, приоритета классовых интересов над национальными, «революционной целесообразности» над правами личности и т. п., оставил, как известно, глубочайший отпечаток в истории XX в., на все сферы жизни российского общества.

Идеология и практика большевизма и национальная идентичность российских немцев, сформировавшаяся ко второму десятилетию XX в. и основывавшаяся на базовых ценностях европейской цивилизации, практически не имели точек соприкосновения. Их столкновение и противостояние после прихода большевиков к власти становились неизбежными.

Первое такое жесткое столкновение произошло в годы Гражданской войны. Оно существенно разрушило традиционные устои жизни поволжских немцев и способствовало началу трансформации национальной идентичности.

Иллюзии поволжских немцев, связанные с созданием осенью 1918 г. своей автономной области, быстро рассеялись, как только началось проведение политики военного коммунизма, вылившееся в откровенный грабеж, насилие, репрессии. Большинство в руководстве немецкой области занимало экстремистскую позицию и слепо выполняло распоряжения центра. Даже когда руководство области и пыталось хоть как-то защитить интересы своего населения, эти попытки, как правило, заканчивались неудачей. Хаос Гражданской войны разрушал прежнюю жизнь колонистов, а следовательно, постепенно и неумолимо влиял на их идентичность, трансформируя ее¹.

Попытки сохранить основные устои своей прежней жизни в годы Гражданской войны выражались в различных формах. Весной 1920 г. ввиду массовых выступлений немецкого крестьянства против продразверстки, Область немцев Поволжья была переведена на военное положение, а для управления ею был создан Ревком. Формы сопротивления порой были весьма оригинальны. Так, в 1920 г. в Ровненском уезде развернулась широкая кампания за выход Ровненского уезда из автономной области и включение его в состав соседнего Новоузенского уезда Самарской губернии. В селах тайно, минуя Советы, составлялись прошения на имя Новоузенского уисполкома, под ними собирались подписи крестьян, и эти прошения также тайно доставлялись в Новоузенск. Простения направило большинство сел Ровненского уезда, а села Моргентау и Штрассбург после этого отказались выполнять продразверстку и подчиняться Ровненским уездным властям, за что

подверглись репрессиям со стороны вооруженных продотрядов².

В марте – апреле 1921 г. вся Область немцев Поволжья была охвачена крестьянским восстанием. Советская власть сохранялась лишь в городах (Бальцер, Марксштадт) и некоторой части северных колоний. Восстание было жестоко подавлено. Только в сёлах Марксштадтского уезда, принявших участие в восстании, по приговорам военного трибунала было расстреляно 286 человек, в том числе в Мариентале – 74, Крутоярровке – 38, Липовке – 29, Раскатах – 34 и т. д. Около 20 расстрелянных не перешагнули 18-летнего рубежа и примерно 30 приговоренным к смерти перевалило за 60, а некоторым из них и за 70 лет. Вряд ли эти люди в силу своего возраста могли быть «яркими зачинщиками» и «организаторами». Сотни участников восстания были приговорены к заключению в концентрационный лагерь, располагавшийся вблизи Марксштадта (ныне – г. Маркс). Имущество расстрелянных и осужденных конфисковывалось³.

Еще одним страшным испытанием, во многом изменившим прежние устои жизни поволжских немцев стал небывалый голод 1921–1922 гг., его жертвами стала почти четверть поволжских немцев. Была полностью дезорганизована экономика. Безысходность и жуткая нищета опустелись на немецкие колонии. Полностью исчезла какая-либо материальная дифференциация в крестьянской среде. В годы нэпа все крестьянские хозяйства начали свое развитие от некоторой общей нулевой черты⁴.

В те же годы Советское государство разрушило традиционную немецкую школу, почти до середины 1920-х гг. в Области немцев Поволжья школьное обучение практически отсутствовало, затем стала развиваться новая советская школа, несшая немецким детям совершенно иные ценности, в корне отличавшиеся от традиционных. Началась борьба с церковью, репрессии против духовенства. Одновременно еще во время Гражданской войны и сразу после ее окончания власть формирует систему постоянного агитационно-пропагандистского воздействия на население немецкой области⁵.

Неприятие немцами большевистской идеологии после Гражданской войны настолько бросалось в глаза, что режиму приходилось принимать в этом направлении специальные меры. Так, в январе 1924 г. пленум обкома РКП (б) АССР немцев Поволжья на специальном заседании вынужден был отметить «политическое отставание» немецкого крестьянства от русского, более слабое восприятие им «коммунистических идей». Пленум определил ряд мероприятий, направленных на усиление «политической работы» среди крестьян-немцев⁶.

Влияние на немцев оказывалось, прежде всего, через организации Коммунистической партии, комсомола, профсоюзов, различные оборонно-

спортивные и иные общества, создававшиеся в 1920-е гг. Постоянное промывание мозгов, невозможность возвращения к старой жизни, постоянные угрозы репрессиями тем, кто не хочет вписываться в «новую жизнь», давали определенные результаты. Наиболее чувствительной к такой политике была молодежь. Многих привлекала новизна, глобализм и романтика революционных идей переустройства общества.

Комсомольская организация Области немцев Поволжья начала расти буквально со своего основания. Если осенью 1921 г. в Области немцев Поволжья насчитывалось чуть больше 100 комсомольцев, то в марте 1924 г. их было уже 1723, а к апрелю 1928 г. – 4303, не считая кандидатов-комсомольцев. Количество девушек возросло до 27,5 %, причём главным образом за счёт вступления в ряды ВЛКСМ девушек немецкой национальности. По удельному весу девушек в комсомоле коммунистическая молодёжная организация Немреспублики занимала одно из первых мест в СССР⁷.

В комсомольских организациях юноши и девушки проходили «школу» политического воспитания и «классовой ненависти», участвуя и оказывая помощь партийным ячейкам в проведении хозяйственно-политических мероприятий (хлебозаготовки, самоснабжение, создание различных семенных фондов и т. п.), учась в школах и кружках поллитрамоты. Вместе с тем многие комсомольские ячейки проводили культурно-просветительную работу, активно участвовали в борьбе за ликвидацию неграмотности, занимались военно-патриотической работой. Это привлекало к ним молодёжь.

Широкое развитие в 1920-е гг. в Республике немцев Поволжья получило пионерское движение, также являвшееся одной из сфер приложения сил комсомола. Образованная в 1923 г. пионерская организация Немреспублики в 1928 г. насчитывала уже 4,1 тыс. ребят. Кроме того, в том же году в АССР НП имелось свыше 700 октябрят. Пионеры и октябрюта объединялись в 128 отрядах⁸.

Постепенно немцы привыкали к новым органам власти, их деятельности в городах и деревнях. Если в 1926 г. в выборах в местные советы принимало участие 44,2 % немцев, то в 1929 – уже 57,3⁹. Конечно же это происходило на фоне сопротивления определенной части немцев новому порядку. На каждых выборах отмечались «происки антисоветских элементов», против них осуществлялись репрессии.

Однако к концу 1920-х гг. в Немреспублике, как и в других регионах Советского Союза, сформировалась довольно стройная многозвенная система организационно-идеологического воздействия на население начиная буквально со школьного возраста, которая хоть и медленно, но неуклонно меняла идентичность поволжских немцев. Это воздействие на немецкое население осуществляла собственная все более разраста-

вшаяся политическая элита. Появился и рос слой немецкого населения, в той или иной мере разделявшего идеологические установки власти. В основном это была молодежь. Возник определенный идентификационный разлом между поколениями российских немцев.

Второй еще более мощный удар по традиционной идентичности поволжских немцев был нанесен в конце 1920 – начале 1930-х гг. в ходе жестокой коллективизации, тотальной борьбы с религией и церковью, нового массового голода, уничтожившего прежде всего наиболее активных противников коллективизации и приверженцев традиционного образа жизни. Свыше трех четвертей из более чем 50 тыс. умерших от голода в начале 1930-х гг. поволжских немцев оказались из числа раскулаченных либо отказывавшихся вступать в колхозы «единоличников». Они были лишены средств к существованию и потому вымирили первыми¹⁰.

Нужно отметить, что эта «революция сверху» осуществлялась не кем-то со стороны, а тем довольно узким еще тогда слоем партийных функционеров и приверженцев коммунистической идеи, которые свою малочисленность с лихвой компенсировали фанатизмом, непреклонностью, жестокостью. В качестве примера такого функционера можно привести зловещую фигуру Адама Вельша. В 1929 г. он стал самым главным и ярким «коллективизатором» в Республике немцев Поволжья. Являясь заведующим отделом по работе в деревне Обкома ВКП (б) Республики немцев Поволжья А. Вельш в декабре 1929 г. на 1-м съезде колхозников спровоцировал принятие решений, которые накалили и без того напряжённую обстановку в деревнях. Съезд постановил коллективизировать всё имущество крестьян, включая мелкий скот, птицу, домашнюю утварь. В постановлении «О наступлении на религию» съезд провозгласил одной из важнейших задач колхозного движения «ликвидацию» религии и закрытие церкви. Решения съезда колхозников даже в условиях начавшейся гонки за темпами коллективизации выглядели настолько экстремистскими, что несколько позднее обком партии вынужден был отмежеваться от них, признав их «левым загибом»¹¹.

Большевикам удалось расколоть немецкую деревню, на рубеже 1920–1930-х гг. там кипели бурные страсти. В 1931–1932 гг. многие сотни сельских активистов по всей территории АССР НП в составе штурмовых бригад и колонн под черным знаменем «штурмовали» отстающие села, не выполнившие планы заготовок по зерну, мясу, картофелю и т. д., и принудительно изымали в них продовольствие¹². 22 ноября 1931 г. в с. Мюльберг колхозник «подкулачник» Фриккель «топором в голову» убил председателя колхоза Шнейдера¹³.

В те годы в целях пропаганды власть активно использовала в своих интересах пионеров и комсомольцев, которые в соответствии со своими убеж-

дениями порывали с родителями-«кулаками», официально отказываясь от них, либо помогали власти обнаруживать спрятанные родителями и иными сельчанами запасы зерна. Фамилии таких детей публиковались в кантональных газетах.

В Немреспублике были свои «Павлики Морозовы». К примеру, 29 октября 1931 г. в с. Воскресенка Федоровского кантона АССР НП 14-летний мальчик обнаружил на заднем дворе соседей замаскированный сундучок с двумя пудами (около 33 кг) зерна и сообщил об этом в сельсовет. Хлеб был конфискован. Интересно, что отец мальчика, узнав, что его сын выдал соседа властям, в течение суток не пускал сына домой, говоря ему: «раз ты пошел против нас, то не место тебе быть у меня». Но в дальнейшем отцовские чувства все-таки восторжествовали¹⁴.

Дети наиболее быстро поддавались влиянию коммунистической пропаганды. Этому во многом способствовал характер пионерской работы, которую через комсомольскую организацию направляло всё то же бюро обкома ВКП (б). Пионеров активно привлекали к участию в различных политико-хозяйственных мероприятиях. Так, в 1934 г. не только в АССР НП, но и по всей стране был организован и проводился «пионерский контроль» за хозяйственной деятельностью в колхозах и МТС (проверка готовности к севу и его проведение, организация ремонта техники, ухода за скотом, контроль за качеством уборки и т. п.). На фермах, полевых станах, токах, в конюшнях, мастерских и на других объектах выставлялись пионерские посты, которые контролировали работу взрослых, делали им замечания.

Естественно, что чисто психологически детский контроль вызывал резкое неприятие колхозников и механизаторов. По всей стране прокатилась волна избиений и издевательств над пионерами. 9–13-летние мальчишки и девчонки своим здоровьем расплачивались за неумную затею партийных и комсомольских функционеров.

В приложении к статье показан один такой случай, произошедший в русском селе Тамбовка. Аналогичные по характеру и даже еще более жестокие факты издеательства над пионерами имели место и в немецких селах. Так, в селе Ней Штрауб Ягоднополянского кантона «пионерский пост» в составе двух десятилетних мальчиков-пионеров Ивана Мауля и Виктора Гейнца получил задание проверить в колхозной конюшне «состояние подготовки коня к севу». Когда мальчики явились в конюшню и попытались организовать проверку, они подверглись оскорблениям и избиениям конюхами Гельгорном, Густом, Лиценбергером и Фелькером. В дальнейшем мальчики ремнями за ноги были подвешены головой вниз и провисели в таком положении несколько часов, потеряв сознание. Бюро обкома ВКП (б) АССР НП оценило этот случай как «вылазка классового врага, озверелых кулацких недобитков, пробившихся в колхоз и в бешеной злобе против крепнущего колхозного

строю, совершивших преступление против передовых представителей колхозной детворы»¹⁵.

Позднее бюро обкома ВКП (б), рассмотрев вопрос о работе пионерских постов в целом, констатировало, что они играют «большую роль в деле практического осуществления указаний тов. Сталина о поднятии сельского хозяйства». «В ряде колхозов... — отмечалось на заседании бюро, — пионеры проявляют подлинный героизм... Пионеры Мауль Ваня, Гейнц Витя (с. Н. Штрауб), Дьяков Илюша (с. Гореецкое), Шмидт Тамара, Амалия Книпп, Эмилия Эндерс (Брунненталь), Яша Папст (Байдек), Копытин (с. Ревино) своей работой помогают партии разоблачать классово-враждебные элементы и укреплять колхозы»¹⁶. Как видим, в стремлении к укреплению своей тоталитарной власти и выявлению «врагов» сталинский режим не гнушался использовать даже детей.

Начиная с 1934 г. в рамках кампании «борьбы с фашизмом» большевистский режим начал мощное наступление на национальную культуру поволжских немцев, на любые проявления национальной специфики. Оно проводилось на основе постановлений обкома ВКП (б) «Об активизации кулацко-националистических элементов в Немреспублике», «О постановке интернационального воспитания в школах», «О проявлениях кулацкого национализма в культурном строительстве и на идеологическом фронте АССР немцев Поволжья»¹⁷. В результате у поволжских немцев все больше стиралась их этническая самобытность, все более успешно из них формировалась «новая историческая общность» советский народ.

Перед самой войной республиканской организации ВКП (б), насчитывавшей свыше 10 тыс. коммунистов и кандидатов в члены партии, удалось серьёзно расширить своё влияние на все слои населения Немреспублики, прежде всего — на крестьянство. Всё больше членами партии становились добросовестные трудолюбивые люди, передовики производства. Появились первые массовые первичные партийные организации на производстве. Они стали оказывать существенное влияние на жизнь предприятий. Например, в 1940 г. первичная парторганизация мясокомбината в Энгельсе насчитывала 97 человек, из них 58 являлись стахановцами и ударниками, систематически перевыполнявшими сменные нормы¹⁸.

Комсомольская организация АССР НП в 1940 г. насчитывала около 24 тыс. человек. Она руководила пионерской организацией, численность которой к 1941 г. превысила 40 тыс. человек. Практически каждый младший школьник перед войной был пионером или октябрёнком. К началу войны молодое поколение поволжских немцев и их сверстников других национальностей оказалось под полным влиянием коммунистической идеологии и практики. Молодое поколение все больше отрывалось от своих этнических корней, формируя идентичность советского человека¹⁹.

Таким образом, к концу 1930-х гг. советскому руководству, несмотря на отчаянное сопротивление немцев, удалось отобрать у них последнюю собственность (коллективизация), ликвидировать церковь и резко ограничить религиозную жизнь, сделав ее фактически нелегальной. Жестоко пострадала и национальная культура, тесно связанная с религией. Все ее дореволюционные достижения и традиции оказались под запретом и расценивались как проявление «буржуазного национализма».

Тем самым (несмотря на сохранение определенных условий для существования и развития языка) были подрублены традиционные устои жизни этноса, все более значительная часть немцев, особенно молодежь, дети под воздействием мощной пропаганды стали разделять новые «социалистические» ценности.

Эти «внучата Ильича», повзрослев, в послевоенные годы стали основными распространителями мифа о «счастливой и зажиточной жизни в цветущей социалистической республике немцев Поволжья». В этом нет их вины. Они искренне говорили о том, что отложилось в их детской памяти, у которой, как известно, преобладающим являются розовые тона. Старшее же поколение немцев в 1930-е гг. было серьезно выбито (речь идет о тысячах умерших от голода, расстрелянных в ходе коллективизации, «Немецкой» и других операций НКВД 1937–1938 гг.), многие позднее навечно упокоились в «Трудовой армии» или больные и увечные умерли в первые послевоенные годы.

Таким образом, к началу войны 1941 г. немцы Поволжья оказались в положении этносоциальных маргиналов. Они потеряли старую жизнь с её системой национальных ценностей, традиций, взаимоотношений с государством и обществом, но не успели найти себя в новой «социалистической» жизни. Это был этнос с подрубленными корнями, который находился ещё на старой почве, но уже не мог питаться её соками. Правда, в АССР немцев Поволжья статус немцев как коренного населения давал возможность их трансформации в «новую социалистическую нацию», которой в наследство от старого оставался только язык. Война и ликвидация АССР НП прервали эти процессы. В годы войны идентификационный разлом между поколениями и социальными группами поволжских немцев был виден довольно ясно.

Так, например, в «Трудовой армии» старшее поколение вело себя тихо, пассивно, воспринимало свое положение лагерников как очередное звено в длинной цепи различного рода репрессивных антинемецких кампаний, проводившихся при советской власти. Людей помоложе, воспитанных на социалистической идеологии, больше всего задевало то, что их, советских граждан, коммунистов и комсомольцев, лишили возможности защищать родину с оружием в руках, незаслуженно

отождествили с немцами Германии и обвинили в пособничестве агрессору. Эти люди всеми своими поступками, поведением, активным трудом пытались убедить представителей власти в своей лояльности, надеялись, что вот-вот ошибка будет исправлена, справедливость восстановлена²⁰.

Проведенный в статье анализ позволяет сделать вывод: коренные трансформации Российского государства в XX в. и его политики привели к существенным трансформациям этносоциального облика поволжских немцев. Немцы начала XX в. и немцы конца 1930-х гг. – это не только разные поколения. Это этносоциальные группы с различными системами ценностей, поведенческими установками, социальным опытом и другими этносоциальными параметрами. Таким образом, можно говорить о формировании новой «социалистической» идентичности поволжских немцев, которая наиболее точно выражается категорией «советские немцы».

Примечания

- 1 Подробнее об этом см.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М., 2007. С. 15–162.
- 2 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 225.
- 3 Подробнее см.: *Герман А. А.* Крестьянская война в Области немцев Поволжья // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 3, ч. 2. Саратов, 1999. С. 12–27.
- 4 Подробнее см.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. С. 108–137; *Герман А. А., Помогалова О. И.* Как нам помогали выжить: Помощь иностранных благотворительных организаций голодающим Поволжья. 1921–1923 гг. М., 2015.
- 5 Там же. С. 223–232.
- 6 ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 675. Л. 4.
- 7 Там же. Д. 179. Л. 152; Д. 603. Л. 89; Д. 675. Л. 7; Д. 881. Л. 26.
- 8 Там же. Д. 179, Л. 154.
- 9 См.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. С. 206.
- 10 Там же. С. 263–287.
- 11 См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1673. Л. 190.
- 12 Там же. Д. 1806. Л. 355–360.
- 13 Там же. Д. 1575. Л. 410.
- 14 Там же. Л. 333.
- 15 Там же. Д. 2169. Л. 201–203.
- 16 Там же. Д. 2154а. Л. 6.
- 17 Подробнее об этом см.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. С. 364–366.
- 18 ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4452. Л. 112, 113.
- 19 Там же. Д. 3809. Л. 177; Д. 5053. Л. 19.
- 20 Подробнее об этом см.: *Герман А. А., Курочкин А. Н.* Немцы СССР в «Трудовой армии». М., 1998. С. 131–150.

Приложение

Специальное сообщение управления НКВД по АССР немцев Поволжья партийно-советскому руководству республики и в вышестоящем управлении НКВД по Саратовскому краю о бесчинствах колхозников в отношении пионеров в с. Тамбовка. Июль 1934 г.*

С/секретно

Отв. Секретарю ОКВКП (б) тов. Глейм
Секретарю парткомиссии КПК т. Мойзис
Председателю СНК АССР НП тов. Фукс.
УПР НКВД СССР по САРкраю – нач. ОНО

Спец.-сообщение

В с. Тамбовке Федоровского кантона в бригаде № 2 колхоз «Чапаев» был организован пионерский пост по охране урожая.

21/VII-34 г. пионеры прибыли в упомянутую полевую бригаду и приступили к работе, во главе со ст. звена Ваней Бухонкиным. Проявляя пионерскую бдительность в охране хлебов и качестве уборки, Ваня Бухонкин, делая справедливые замечания колхозникам, подвергся со стороны последних издевательствам, обзыванию нецензурными словами и насмешкам.

21/VII-34 г. по прибытию в бригаду вместе с пионерами Бабенковой Тасей, Швечихиной Шурой, Ваня Бухонкин подошел к лобогрейке, на которой работали Раков Григорий и Ракова Ульяна (оба по соц. положению середняки) их косилка делала пропуски, плохо с большими огрехами скашивала хлеб, обращаясь к Ракову Григорию, Ваня Бухонкин сказал: «Плохо косите, качество

* Представлен оригинальный текст без редакционных правок.

плохое». В ответ на это Раков схватил кнут и, выражаясь нецензурными словами, делая попытку избить пионеров кнутом, прогнал их от косилки.

На противоположной стороне загона остановилась лобогрейка, интересуясь причиной простоя Ваня Бухонкин с упомянутыми пионерками направился к лобогрейке, установив, что косун Швечихин Василий Матвеевич и Лошатов Егор Сергеевич, обмолачивали два снопа с хлебом о лобогрейку. Ваня Бухонкин сказал им: «Так нельзя делать, товарищи, это есть хищение хлеба». Швечихин Василий схватил кнут, выразившись нецензурными словами, ответил: «Отойдите вон, а то я тебя сейчас кнутом отпорю». Лошатов Егор, также с нецензурными словами, подбежав с вилами в руках, намахнувшись на Ваню Бухонкина, заявил: «Уйди по добру, а то я вас перепорю вилами».

Во время обеденного перерыва (в тот же день) Ракова Ульяна, продолжая издеваться над пионерами, несколько раз обозвала их нецензурными словами, а колхозник Антонов Егор взял Ваню за руку, подвел к ведру с водой и это ведро вылил на Бухонкина. Впоследствии по предложению Раковой Ульяны, Антонов Егор снял пионерский галстук с Вани и привязал его за ногу козлу, за последним бегал Ваня, стараясь выручить галстук. Присутствующие колхозники смеялись. Парторг и бригадир второй бригады на это соответственно не реагировали. Ракова Ульяна – середнячка и Лошатов Егор – бедняк, оба рвачи, привлечены к уголовной ответственности, дело заканчивается и передается в суд.

Настоящее сообщается с просьбой мероприятий по партлинии, и заострению внимания и недопущения указанных фактов

ВР Нач. УПН Бубеннов
НКВД АССР НП Сиротин

ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2294а. Л. 62

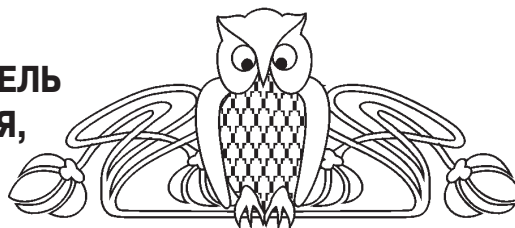
УДК 903(470.4)637.7|+929Рыков

**ПРОФЕССОР П. С. РЫКОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ПОВОЛЖЬЯ,
ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО И ВОЛГО-ДОНСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ**

Н. М. Малов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: malovnm@mail.ru

К середине 1930-х гг. профессор Саратовского государственного университета Павел Сергеевич Рыков разработал концептуальные основы процесса культурогенеза бронзового века Нижнего Поволжья. При этом весьма существенное место он уделит па-

мятникам хвалынской культуры позднего бронзового века. Вслед за работами В. А. Городцова и А. М. Тальгрена исследования П. С. Рыкова явились весьма важными и до сих пор сохраняют свое значение при разработке проблем эпохи поздней бронзы Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья.

Ключевые слова: П. С. Рыков, археология, поздний бронзовый век, покровская культура, срубная культура, хвалынская культура валиковой керамики, Поволжье, Волго-Уральское междуречье, Волго-Донское междуречье.